

## SPATIAL CODE AND CULTURAL GESTALT IN THE MEDIA FRAMING OF BUSINESS DISCOURSE: A COMPARATIVE STUDY

**Nadezhda Vladimirovna OBUKHOVA**

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Department of English Language and Literature

Mamun University

Khiva, Uzbekistan

## ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОД И КУЛЬТУРНЫЙ ГЕШТАЛЬТ В МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА:

### СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

**Надежда Владимировна ОБУХОВА**

Кандидат педагогических наук, доцент

Кафедра английского языка и литературы

Университет Мамуна

Хива, Узбекистан

## MEDIATAQDIMOTDA BIZNES DISKURSINING FAZOVIY KODI VA MADANIY GESHTALTI: QIYOSIY TAHLIL

**Nadejda Vladimirovna OBUXOVA**

Pedagogika fanlari nomzodi, dotsent

Ingliz tili va adabiyoti kafedrasи

Mamun universiteti

Xiva, O'zbekiston [tabithanvo@gmail.com](mailto:tabithanvo@gmail.com) ORCID: 0009-0008-6244-1473

---

**For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования):**

Обухова Н.В. Пространственный код и культурный гештальт в медиарепрезентации делового дискурса: сравнительный анализ.// O'zbekistonda xorijiy tillar. — 2025. — 11-jild, № 4. — B. 87-108.

<https://doi.org/10.36078/1757917051>

**Received:** June 11, 2025

**Accepted:** August 17, 2025

**Published:** August 20, 2025

Copyright © 2025 by author(s).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>



**Abstract.** The article examines the specifics of spatial code representation in business communication, drawing on English, Russian, and Uzbek linguistic materials. The relevance of the research is determined by the need for a deeper understanding of linguistic and cultural differences in communication strategies, particularly in the context of globalization, the development of intercultural relations, and the digitalization of business discourse. Spatial configurations expressed in language reflect not only linguistic but also cultural, behavioral, and cognitive characteristics of national consciousness. The research problem lies in the lack of a systematic comparative analysis of linguistic means used to convey the spatial code in different linguocultures, which often becomes a source of misunderstanding in the business sphere. The aim of the study is to identify similarities and differences in the verbal implementation of the spatial code and the interpretation of spatial gestalts in the official-business discourse of the three languages, as well as to describe typical models that influence the nature of interaction. The methodology of the research is based on cognitive-discursive and cultural-semiotic approaches with the application of descriptive, comparative, and pragma-linguistic methods. The analysis revealed stable frames and speech strategies characteristic of each language, as well as typical features of verbal behavior reflecting the national-cultural specificity of spatial perception. The

findings can be applied in teaching intercultural communication, training specialists in international business, and providing linguistic support for negotiations.

**Keywords:** spatial code; business communication; Gestalt; intercultural pragmatics; frame; English language; Uzbek language.

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности презентации пространственного кода в деловой коммуникации на материале английского, русского и узбекского языков. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания лингвокультурных различий в коммуникационных стратегиях, особенно в условиях глобализации, развития межкультурных связей и цифровизации делового общения. Пространственные установки, выраженные в языке, отражают не только лингвистические, но и культурные, поведенческие и когнитивные особенности национального сознания. Проблема исследования заключается в отсутствии системного сопоставительного анализа языковых средств выражения пространственного кода в различных лингвокультурах, что нередко становится источником недопонимания в деловой сфере. Цель работы — выявить сходства и различия в вербальной реализации пространственного кода и интерпретации гештальтов пространства в официально-деловом дискурсе трех языков, а также описать типичные модели, влияющие на характер взаимодействия. Методология исследования основывается на когнитивно-дискурсивном и культурно-семиотическом подходах с применением описательного, сопоставительного и прагмалингвистического методов. В результате анализа выявлены устойчивые фреймы и речевые стратегии, характерные для каждого языка, установлены типичные особенности вербального поведения, отражающие национально-культурную специфику пространственного восприятия. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании межкультурной коммуникации, при подготовке специалистов в области международного бизнеса и лингвистического обеспечения переговоров.

**Ключевые слова:** пространственный код; деловая коммуникация; гештальт; межкультурная прагматика; фрейм; английский язык; узбекский язык.

**Annotatsiya.** Maqolada ingliz, rus va o'zbek tillari materiallari asosida ishbilarmonlik muloqotida fazoviy kodning ifodalishni xususiyatlari tahlil qilindi. Tadqiqotning dolzarbliji, avvalo, kommunikatsiya strategiyalaridagi lingvomadaniy farqlarni chuqurroq anglash zarurati bilan izohlanadi, bu holat, ayniqsa, globallashuv, madaniyatlararo aloqalarning rivojlanishi hamda ishbilarmonlik muloqotining raqamlashtirilishi sharoitida yanada muhim ahamiyat kasb etadi. Tilda ifodalangan fazoviy o'rnatmalar nafaqat lingvistik, balki milliy ongning madaniy, xulqiy va kognitiv xususiyatlarini ham aks ettiradi. Tadqiqot muammosi turli lingvomadaniylarda fazoviy kodni ifodalovchi til vositalarining tizimli qiyosiy tahlili yetaricha o'rganilmagani bilan bog'liq bo'lib, bu holat ko'pincha ishbilarmonlik sohasida tushummovchiliklar manbai bo'lib qoladi. Ishning maqsadi — uch tilda rasmiyishbilarmonlik diskursida fazoviy kodning verbal amalga oshirilishi va fazoviy geshtaltlarning talqinidagi o'xshashlik hamda farqlarni aniqlash, shuningdek, o'zaro muloqot xarakteriga ta'sir etuvchi tipik modellarni tavsiflashdir. Tadqiqot metodologiyasi kognitiv-diskursiv

va madaniy-semiotik yondashuvlarga asoslanib, tavsifiy, qiyosiy va pragma-lingvistik metodlardan foydalanadi. Tahlil natijasida har bir tilga xos barqaror freymlar va nutq strategiyalari, shuningdek, fazoviy idrokning milliy-madaniy o'ziga xosligini aks ettiruvchi tipik nutqiy xatti-harakatlar aniqlangan. Olingen natijalar madaniyatlararo kommunikatsiya bo'yicha ta'lim jarayonida, xalqaro biznes sohasidagi mutaxassislarni tayyorlashda hamda muzokaralarda lingvistik ta'minot yaratishda qo'llanilishi mumkin. **Kalit so'zlar:** fazoviy kod; ishbilarmonlik muloqoti; geshtalt; madaniyatlararo pragmatika; freym; ingliz tili; o'zbek tili.

## Введение

Пространство как категория восприятия и действия давно перестало восприниматься исключительно в физических координатах. Современная гуманитарная мысль всё чаще рассматривает его как когнитивную и культурную структуру, формирующуюся в рамках определённой языковой и социокультурной картины мира. Пространственные модели, закреплённые в сознании, проявляются не только в том, как человек воспринимает окружающий мир, но и в том, как он строит коммуникацию, организует взаимодействие, интерпретирует близость и дистанцию.

Эту идею выразил немецкий философ Н. Гартман: «Самое замечательное и в известной мере действительно парадоксальное в пространстве созерцания то, что оно является пространством в сознании, в то время как само сознание со всеми содержаниями непространственно. Представления — не суть в пространстве, но в представлениях есть пространство: то, что в них представляется, представляется как пространственная протяженность. Это поразительное приспособление сознания к внешнему миру; иначе мир не мог бы быть представлен как "внешний"» [Hartmann 1950: 15]. Иначе говоря, пространство в культуре и языке предстает как ментально и символически сконструированное, и именно в этом качестве оно становится предметом лингвокультурного анализа. Особенno наглядно различия в пространственных моделях проявляются в сфере деловой коммуникации, где принципы организации взаимодействия, построения диалога и выражения статуса тесно связаны с культурными представлениями о дистанции, этикете и социальной иерархии.

В условиях глобализации и цифровой трансформации всё большую значимость приобретает презентация деловых взаимодействий в медиапространстве, где языковые, пространственные и поведенческие коды становятся не только носителями информации, но и отражением глубинных культурных моделей мышления и восприятия [Венидиктов 2020; Шорова 2024].

Взаимодействие представителей англоязычной, русскоязычной и узбекоязычной деловой среды становится всё более частым в формате международных встреч, переговоров, совместных проектов и трансграничного сотрудничества. При этом каждая из культур демонстрирует собственные пространственные и поведенческие

паттерны, закреплённые как в языке, так и в визуальных, ритуальных и вербальных компонентах деловой коммуникации.

Сопоставление этих моделей позволяет выявить не только структурные и коммуникативные различия, но и более глубинные культурные установки, определяющие нормы поведения, интерпретации статуса, дистанции и инициативы в деловой сфере.

Актуальность исследования продиктована необходимостью учитывать культурно обусловленные когнитивные структуры при анализе межъязыковой и межкультурной коммуникации в деловой сфере.

Цель исследования — выявить и описать особенности пространственного кода и культурного гештальта в медиарепрезентации деловых коммуникаций в трёх культурно-языковых контекстах: узбекском, русском и англоязычном.

Задачи исследования: 1) определить теоретические основания понятий «пространственный код» и «культурный гештальт» в лингвокультурном и медиалингвистическом контексте; 2) проанализировать особенности репрезентации деловых взаимодействий в медиадискурсе трёх культур; 3) сопоставить пространственные стратегии и гештальты взаимодействия в деловой медиакоммуникации на материале русскоязычных, англоязычных и узбекоязычных источников; 4) выявить культурно обусловленные различия в организации пространства, ритуалов и коммуникативных ролей.

Объектом исследования является медиарепрезентация деловой коммуникации в цифровом пространстве.

Предмет исследования — пространственные и гештальтные характеристики делового взаимодействия, отражённые в медиатекстах и видеоконтенте русскоязычного, англоязычного и узбекоязычного дискурса.

### **Теоретическая основа исследования. Пространственный код как элемент лингвокультурной репрезентации**

Пространственный код — один из ключевых компонентов лингвокультурной картины мира, отражающий особенности восприятия, организации и символического освоения пространства в рамках определённой культуры. Э. Холл, введший понятие проксемики в культурную антропологию, показал, что пространственные нормы взаимодействия (дистанция, ориентация, жесты, рассадка) являются важным маркером контекстуальности культуры и регулируются невидимыми культурными сценариями [Hall 1969, 1976].

В когнитивной лингвистике пространственный код рассматривается как система языковых и невербальных средств, которые выражают отношение говорящего к пространству и участникам коммуникации [Кубрякова 2004; Пицальникова 2007; Карасик 2002]. Как компонент коммуникативного поведения и элемент межкультурных различий пространственный код изучали Н. Д. Арутюнова, В. А. Маслова, Г. Хофтеде [Арутюнова 1999;

Маслова 2004; Хофтеде 2012]. В ряде работ [Молчанова 2013] акцентируется внимание на пространстве как факторе национального и geopolитического самосознания, в то время как в других предпринимается попытка прикладного сопоставления проксемных моделей в публицистическом дискурсе [Колядин 2017; Трофимова 2022; Молчанова 2018]. Таким образом, проксемика может рассматриваться как частный компонент более широкого пространственного кода, фокусируясь преимущественно на поведенческих аспектах, тогда как пространственный код представляет концептуализированное и языковое освоение пространства в культуре. Н. Н. Болдырев интерпретирует пространство как ментально организованную категорию, подчеркивая зависимость его репрезентации от субъективного восприятия, опыта и культурной принадлежности индивида. Исследователь выделяет три базовых типа пространственной организации — эгоцентрическую, эндоцентрическую и нецентрированную, каждая из которых находит отражение в языковых и коммуникативных стратегиях [Болдырев 2018]. Таким образом, пространственный код — это не просто способ обозначения местоположения, а языковое отражение ментальных и культурных моделей взаимодействия в обществе.

### **Культурный гештальт: целостность восприятия коммуникативной ситуации**

Гештальт, изначально восходящий к одноимённой школе психологии, в современном лингвокультурном анализе трактуется как целостная коммуникативная сцена, воспринимаемая и интерпретируемая в рамках определённой культуры. Гештальт включает не только языковое содержание, но и фоновое знание, ролевые ожидания, эмоциональную окраску и структуру ситуации в целом [Болдырев 2018; Лакофф 1981].

В отличие от фрейма — структурированной когнитивной модели ситуации или объекта [Минский 1979; Филлмор 1988], гештальт — более интуитивное, целостное и неделимое восприятие ситуации, часто основанное на личном и коллективном опыте. Культурный гештальт проявляется, например, в том, как воспринимается иерархия на встрече, кто имеет право говорить первым, какой уровень телесной близости допустим и что подразумевается «по умолчанию» в деловом контексте.

Гештальт может невербально считываться участниками коммуникации как интуитивно «нормальная» форма поведения, но при переносе в другую культуру — вызывать когнитивный диссонанс, недопонимание или даже культурный конфликт.

### **Медиарепрезентация как поле наблюдения**

Особый интерес представляет медиалингвистическое пространство, в котором медийные форматы — особенно визуальные и цифровые — фиксируют, транслируют и нормализуют культурно значимые формы поведения [Гладченко, Попов 2004;

Колесникова 2022; Трофимова 2022]. Таким образом, медиадискурс становится важнейшей площадкой для изучения репрезентации пространственного кода и культурных гештальтов в деловой коммуникации.

Что касается исследований в области межкультурного и делового взаимодействия в узбекскоязычном дискурсе, исследователи подчеркивают, что культурно-ценностные ориентиры узбекского общества, в том числе гостеприимство, коллективизм и уважение к традиции, оказывают непосредственное влияние на вербальные и невербальные коды общения. Понимание этих кодов, включая особенности проксемики, является необходимым условием для эффективного взаимодействия с представителями узбекской культуры в деловой и дипломатической сферах, в том числе и в виртуальном пространстве [Аватков 2024; Расурова, Акрамова 2021; Нарзиева 2023].

В отличие от спонтанного общения, медиарепрезентация формирует нормативные сценарии: она показывает не только «как есть», но и как «правильно» себя вести в деловой сфере. Это позволяет исследователю выделить устойчивые культурные шаблоны, обнаружить различия в пространственных стратегиях и культурных гештальтах, а также зафиксировать их языковую и невербальную реализацию.

### **Методы и методология исследования**

Методологическую основу настоящего исследования составляют антропоцентрический и когнитивный подходы.

Антропоцентрический подход, широко представленный в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике (В. И. Карасик, В. А. Маслова, Н. Д. Арутюнова), рассматривает человека как центральную фигуру в формировании и интерпретации языковых и культурных систем. В данном исследовании он используется для анализа того, как представители русской, узбекской и английской культур конструируют коммуникативное пространство, опираясь на личный и коллективный опыт, ритуальные нормы и ценностные установки. Когнитивный подход (Э. Т. Холл, Г. Хоффстеде) дополняет исследование, позволяя выявить ментальные репрезентации и схемы категоризации, с помощью которых осмысляются статус, дистанция, субординация и другие параметры взаимодействия.

В работе используется метод пространственного моделирования в языке, позволяющий проанализировать не только универсальные когнитивные стратегии, но и специфические культурные приоритеты. Так, для низкоконтекстных культур (например, англоязычных) характерно преобладание нецентрированного описания пространства, ориентированного на стандартизованный взгляд «сверху». В высококонтекстных культурах, напротив, акцентируется эгоцентрическая или эндоцентрическая модель, в которой восприятие пространства зависит от позиции субъекта или участника ситуации. Это позволяет

говорить о культурно обусловленных «точках отсчёта» в организации языковой картины мира.

В исследовании применён комплекс методов: контент-анализ, сопоставительный и прагмалингвистический анализ. Контент-анализ позволил выявить элементы пространственного кода и культурного гештальта в медиапространстве трёх культур — русской, узбекской и английской. Сопоставительный метод обеспечил выявление сходств и различий в их проявлении, а описательный — фиксацию характерных особенностей вербального и невербального поведения участников. Прагмалингвистический метод позволил выявить речевые стратегии участников делового взаимодействия, проследить влияние культурных норм и национально-специфичных установок на прагматическую организацию высказываний. Эмпирическую базу составили видеоматериалы (интервью, круглые столы, бизнес-встречи), отобранные по критерию их репрезентативности для исследуемых сообществ и значимости в профессиональной коммуникации.

## Результаты исследования

### Англоязычное медиапространство: пространство как метафора равенства и продвижения

Англоязычная культура делового взаимодействия традиционно относится к низкоконтекстным культурам, в которых эффективность, прямота и инициативность являются основными ценностями. Эти установки находят отражение в организации пространства, ритуалах общения и в языковых метафорах, закреплённых в медиарепрезентациях.

Типичной чертой деловой среды в англоязычных странах является пространственная открытость: использование *open space*, минимизация формальных барьеров (высоких столов, кабинетов), свобода движений в ходе переговоров. В визуальном ряду видеорепортажей и публичных выступлений часто наблюдается символическая горизонтальность: участники сидят на одном уровне, часто полукругом, что символизирует равноправие и открытость к диалогу.

На языковом уровне пространственный код проявляется через устойчивые метафоры движения и вертикального продвижения: *to move forward, to reach out, to open doors, to climb the ladder, to break the ceiling*. Эти выражения формируют фрейм успеха, в котором продвижение в карьере или проекте всегда связано с пространственной динамикой — вверх, наружу, вперёд.

Культурный гештальт строится вокруг идеи прозрачности, инициативы и свободы самовыражения. В медиатекстах часто акцентируется участие младших сотрудников в обсуждениях, использование имён без титулов, личные жесты (улыбка, рукопожатие, поворот тела к собеседнику), что создаёт ощущение партнёрства, а не субординации.

## Русскоязычное медиапространство: пространство как отражение иерархии

Русскоязычная деловая культура принадлежит к высококонтекстным иерархическим моделям, где пространство маркирует статус и власть. Это особенно заметно в медиарепрезентациях: визуальных репортажах с совещаний, официальных встреч, пресс-конференций.

Организация пространства часто сохраняет вертикальность и символическую дистанцию: центральная фигура (руководитель, должностное лицо) занимает фокусную позицию, как правило — в центре, возвышении или за отдельным столом. Остальные участники размещаются по рангу, часто фронтально, что создаёт визуальный порядок подчинения.

В языке доминируют конструкции, передающие распределённую инициативу и подчёркивающее уважение к иерархии: *по поручению руководства, было принято решение*. Пространственные выражения чаще связаны не с движением, а с распределением контроля и координацией: *держать под контролем, на уровне министерства, в рамках структуры*.

Культурный гештальт русскоязычного медиапространства — формализованное взаимодействие с чётко закреплёнными ролями и строгими ритуалами вежливости.

## Узбекоязычное медиапространство: пространство как носитель уважения и ритуальной гармонии

Узбекоязычная деловая коммуникация формируется в рамках высококонтекстной, традиционно ориентированной культуры, где ключевыми регуляторами взаимодействия являются возраст, статус, происхождение участников и степень формальности встречи. Эти параметры напрямую влияют на пространственную организацию делового общения и активно транслируются через медиарепрезентации.

Организация пространства, особенно в более традиционных форматах, сохраняет центрацию на главной фигуре, будь то председатель, мэр или уважаемый бизнесмен. Визуально часто наблюдаются классические рассадки с центральным акцентом, но с элементами ритуальной симметрии — участники сидят по обе стороны от центральной фигуры, создавая впечатление гармоничного круга или полукруга. В частности, узбекская традиция гостеприимства предполагает строгое соблюдение иерархии рассадки: самый уважаемый гость садится как можно дальше от входа, на центральной позиции стола или площадки. В языковом коде доминируют выражения, закрепляющие социальную дистанцию и уважение: *ҳурмат билан* (с уважением), *раҳмат сизга* (спасибо вам), *қарор қабул қилинди* (решение было принято). Пространственные образы чаще связаны с ценностями покровительства и благословения, а не инициативы: *табаррук инсонлар* (благословенные люди), *бошқа даражага кўтарилиди* (поднялось на другой уровень).

Рассмотрение культурно-специфичных аспектов пространственного кода в деловой коммуникации в рамках данного исследования позволяет не только уточнить содержательные параметры анализа, но и выявить те ценностные ориентиры, которые необходимо учитывать при сопоставлении медиапрезентаций в разных лингвокультурах.

### Обсуждение результатов

Категория пространства в научной традиции интерпретируется не только как физическое измерение, но и как ценностно-насыщенное, переживаемое явление, сопряжённое с культурой, телесностью и социальной практикой: «Пространство выражает не только структурность и протяжённость различных уровней бытия (...), но представляет собой также социокультурный компонент как индивидуальной, так и общечеловеческой жизни. В этом смысле пространство, переживаемое человеком, включено не только в область его объективного познания, но и в область эмоциональных оценок и рассуждений» [ФС 2004: 443; Топоров 1995].

Важно учитывать, что речевые и поведенческие стратегии участников делового взаимодействия зависят не только от культурных установок, но и от конкретного контекста. В ситуациях кризиса или дипломатического давления преобладают фреймы контроля, давления и соперничества. Напротив, в нейтральных и конструктивных форматах — активируются фреймы равноправного партнёрства, инициативы, открытости и взаимного уважения.

В целях систематизации материала и обеспечения сопоставимости данных в исследование автором вводится понятие «параметры анализа медиарепрезентации». Под параметрами понимаются структурные элементы описания коммуникативной ситуации, позволяющие зафиксировать и проанализировать ключевые компоненты медиатекста. К ним относятся: реплика (верbalная единица или фрагмент речи, отражающий смысловое содержание взаимодействия), фрейм (устойчивая когнитивная структура, активируемая данным фрагментом), пространственный код (верbalная или неверbalная репрезентация пространственных отношений, значимых в данной культуре), а также аналитический комментарий (интерпретация выявленных элементов в контексте культурных и коммуникативных особенностей). Аналитический комментарий представляет собой интерпретацию выявленных параметров с учётом pragматических, когнитивных и дискурсивных аспектов. В отдельных случаях в него интегрируется лингвокультурологический компонент, как, например, в анализе русского блока, где пространственный код и гештальт рассматриваются в связи с культурными коннотациями и национально-специфическими смысловыми структурами. Выделение этих параметров позволяет комплексно описывать медиаситуацию, фиксируя как вербальные, так и когнитивно-культурные аспекты её репрезентации.

Рассмотрим эти параметры на конкретных примерах. Ниже представлена выдержка из речи Ангелы Меркель, где она обращается к дипломатам — и в её речи слышится именно партнёрство и требование диалога, а не давления: “*The willingness and ability to engage in constructive dialogue is an invaluable asset... working together, rather than against one another, frequently requires the willingness to compromise. We in the G7 share common values... we want to create areas of freedom, areas of justice, areas of free trade*” (Merkel 2015). Здесь прослеживается равноправный фрейм сотрудничества, где языковая позиция политического лидера формирует код компромисса и общей ответственности.

В другом примере Барак Обама обращается к общему рациональному пространству, где слова — мост доверия, а отступление от фактов разрушает коллективное мышление и сотрудничество: “*The American people don't expect us to agree on every issue... but they do expect us to put the nation's interests before party. Without facts, there is no basis for cooperation. If I say this is a podium and you say this is an elephant, it's going to be hard for us to cooperate*” (Obama, 2018).

Таблица 1  
Пространственные фреймы партнерства

Реплика участника	Фрейм	Пространственный код	Аналитический комментарий
Ангела Меркель: “...working together rather than against one another... requires willingness to compromise.”	Сотрудничество/ Компромисс	Диалоговое, горизонтальное пространство равных сторон.	Пространственный код — это не иерархия, а площадка сотрудничества “ <i>working together</i> ”. Партнёры стоят на одном уровне, слушают друг друга и ищут решения вместе — “ <i>willingness to compromise</i> ”.
Барак Обама: „With facts... it's hard to cooperate. If I say one thing and you another, we can't build trust.“	Доверие/ Прозрачность	Концептуальное пространство ясности фактического соответствия.	Пространственный код — это мысленная сцена, где пространство коммуникации определяется правдой и логикой, а не доминирование одной стороны.

Таким образом, в данных примерах пространственный код англоязычного делового общения проявляется как открытая, диалоговая конфигурация, где участники занимают символически равные позиции и действуют в логике совместного поиска решений. Культурный гештальт этого типа взаимодействия закреплён в ценностях прозрачности, доверия и рационального обмена, что согласуется с характеристиками низкоконтекстной культуры. Подобная проксемическая и дискурсивная организация не только минимизирует формальности, но и формирует медиапространство, в котором иерархия уступает место партнёрству.

Вместе с тем в современном медиапространстве заметно усиливается другой тип политической коммуникации — манипулятивный и конфронтационный. Он строится на конфликтном, иерархически организованном контексте и опирается на речевые стратегии, насыщенные метафорами борьбы, контроля и угроз. Такой дискурс формирует собственный пространственный код и языковое наполнение, резко отличающиеся от диалоговых моделей. Иллюстрацией может служить фрагмент встречи президента Украины Владимира Зеленского с президентом США Дональдом Трампом в Овальном кабинете Белого дома.

На начальном этапе встречи фиксируется кинесическая поза Владимира Зеленского — скрещённые на груди руки, сохраняемая на протяжении нескольких минут. В невербальной коммуникации подобная позиция интерпретируется как индикатор закрытости к диалогу, демонстрация защитной установки и психологического дистанцирования [Пиз 2008; Экман 2010; Крейдлин 2002]. В контексте официальных переговоров такой жест может свидетельствовать как о стремлении сохранить контроль над ситуацией, так и о внутренней готовности к оборонительной реакции в условиях неопределённости.

Дональд Трамп, обращаясь к Владимиру Зеленскому, использует эмоционально насыщенную и агрессивную риторику, опирающуюся на метафоры власти, угрозы и контроля:

*“You’re in no position to dictate what we’re going to feel. You’ve allowed yourself to be in a very bad position. You don’t have the cards right now — you’re gambling with the lives of millions of people, you’re gambling with World War III... With us you have cards, without us you don’t have cards. They didn’t respect Obama, they respect me. Putin went through a hell of a lot with me... You ever hear of that phony Hunter Biden and Joe Biden scam? It came out of Hunter Biden’s bathroom, it came out from Hunter Biden’s bedroom — it’s disgusting... You are running low on soldiers... If you cease fire... the bullets stop flying and I want a cease fire”* (Trump 2025).

В данном отрывке содержится сама суть фреймовой войны: как один лидер (Д. Трамп) вербализует свою правду через язык силы, метафор, манипуляции и образов. В частности, цитата “*It came out of Hunter Biden’s bathroom... his bedroom... the laptop from hell...*” представляет собой трехслойную метафору Трампа, где он: 1) высмеивает скандал с ноутбуком Хантера Байдена; 2) преувеличивает до абсурда, говоря, что «всё это пришло из его

спальни/ванной», чтобы создать у слушателя отвращение и недоверие; 3) формирует фрейм «грязного заговора», используя образную лексику. Подоплека этой метафоры уходит корнями в скандальную ситуацию 2020 года с найденным ноутбуком Хантера Байдена, в котором якобы содержались компрометирующие данные о его бизнес-связях, фото, переписке и т. д. Противники демократов использовали это как доказательство «коррупции семьи Байденов». Демократы же сначала отрицали подлинность ноутбука, заявляя, что это «дело рук России» — отсюда выражение *“they say it was made by Russia...”* (Trump 2025, видео). Таким образом, данная цитата представляет собой сложный многослойный дискурсивный конструкт, сочетающий метафорическую компрессию, образную иронию и когнитивное давление, реализуемое через пространственные фреймы.

Ещё одна метафора, встречающаяся в этой же беседе, — метафора карточной власти: *“You don’t have the cards. With us you have the cards. Without us — you don’t have the cards”* (Trump 2025, видео). Она воплощает фреймы контроля, власти и зависимости, представляя власть как ресурс (карты), позволяющий управлять ситуацией. Повтор высказывания (не менее пяти раз) усиливает эмоциональное воздействие и закрепляет рамку: «с нами — ты кто-то, без нас — ничто». Здесь создаётся когнитивно-игровое пространство, в котором политическое взаимодействие уподобляется партии с чёткими правилами, ресурсами и стратегиями. Оно не имеет физического измерения, но концептуально организовано и обладает собственными законами и границами. Для сопоставительного анализа исследуемые параметры представлены в таблице 2.

Таблица 2  
Пространственные фреймы доминирования

Реплика	Фрейм	Пространство н-ный код	Аналитический комментарий
“It came out of Hunter Biden’s bathroom... it came out of his bedroom... the laptop from hell.”	Моральная деградация, Заговор, «Грязная правда»	Интимное личное пространство, в данном случае звучит как источник угрозы и стыда.	Трамп использует бытовые образы (ванная, спальня) как антонимы прозрачности. Он символически помещает скандал в «грязные» зоны, формируя у слушателя отвращение. Происходит эмоциональное фреймирование через пространственные маркеры.

“You’re gambling with World War III... You’re gambling with the lives of millions.”	Угроза/ Катастрофа/ Безответственный игрок	Мир интерпретирует ся как игровое поле (глобальное пространство как арена риска).	Используется метафора казино, где Украина представлена как игрок, нарушающий баланс. Пространство превращается в «казино с жизнью», где поставлены на кон миллионы жизней.
"With us you have the cards. Without us you don't have the cards."	Зависимость / Контроль/ Геополитическое влияние	Когнитивное пространство игры (невидимое, но структурированное: игрок — правила — ресурсы)	Украина описывается как игрок, который без США не способен играть.

Анализ эмпирического материала позволяет выделить устойчивые корреляции между культурными кодами и стратегиями речевого поведения участников деловой коммуникации. Таким образом, важно учитывать, что речевые и поведенческие стратегии участников делового взаимодействия англоязычного медиадискурса зависят не только от культурных установок, но и от конкретного контекста. В ситуациях кризиса или дипломатического давления преобладают фреймы контроля, давления и соперничества. Напротив, в нейтральных и конструктивных форматах активируются фреймы равноправного партнёрства, инициативы, открытости и взаимного уважения. Этот вывод подтверждается частотностью вербальных маркеров, отражающих либо конфронтационную, либо кооперативную модель взаимодействия.

Анализ видеоконтента «Встреча Владимира Путина с предпринимателями» (Путин 2025, видео) показал, что в ряде случаев пространственный код взаимодействует с ироничными, экспрессивными и образными фреймами, что отражает специфику русской коммуникативной культуры.

Так, выражения «подставлять плечо», « попал в точку», «муха не пролетит» демонстрируют тесную связь между пространственными образами и коммуникативной метафорой. Поговорки и разговорные формулы («вода камень точит», «соскочили») вводят фольклорно-бытовой фрейм, создавая эффект «своего» общения и снижая дистанцию между говорящим и аудиторией. В данном случае под «фольклорно-бытовым фреймом» понимается авторская тематическая группа, включающая в себя ряд конкретных фреймов, связанных с народными традициями и бытовыми ситуациями. Подобные речевые элементы ярко

илюстрируют особенности русской лингвокультуры, в которой фреймы часто оформлены через телесно-пространственные и культурно-исторические образы. Примеры размещены в таблице 3.

Таблица 3

## Фреймы телесности и культурного контекста

Реплика	Фрейм	Пространствен-ный код	Аналитический комментарий
«Государство обязательно будет поддерживать вас ... будет подставлять плечо»	Взаимопомощь / Поддержка, защита	Плечо как точка соприкосновения, физическая опора.	В русской культуре «подставить плечо» несёт не просто pragматический смысл помощи, но и эмоциональный подтекст солидарности и близости. Телесность и физическая близость обозначают сопричастность.
«У нас всё расписано... начальство всё знает» (с иронией)	Иронический фрейм формальной иерархии	Пространственно-ролевой код транслирует значимость местоположения помощника (справа), куда поворачивается глава, как размещены участники.	Коммуникативный стиль: характерна игра с ролями, обращение к «начальству» с доброй насмешкой — подчёркивается не дистанция, а доверие и «свой круг». В русском языке часто используется ирония для смягчения властного тона — это проявление «душевности власти».
«А там, что называется, муха не пролетит»	Жёсткий контроль/ Точность.	Создается пространственный образ плотного пространства, т.е.	Русская гипербола, с элементами фольклора и иронии.

		невозможно стъ пролететь даже мухе.	
«Вода камень точит»	Терпение/ Постепенность/ Неизбежность.	Культурная метафора, обозначающ ая опору на пословицу как форму аргумента.	В русской речи пословицы часто используются как универсальный культурный код, в отличие от западного «логического» аргумента. Это придаёт речи «народную мудрость», авторитет.
«Хитрая штука», «попал я в точку»	Спонтанное мышление/ Гибкость.	Пространств енный код работает здесь как целеуказани е: «точка» обозначает цель, а попадание — результат.	«Хитрая штука» — разговорная, мягко ироничная метафора сложности. «Попал в точку» — метафора точности как успеха, характерная для русского языка.

Таким образом, в русскоязычном медиапространстве пространственный код и культурный гештальт опираются на ценности иерархии, регламентированности и статусной дифференциации, что проявляется как в визуальной организации взаимодействия, так и в языковой репрезентации деловых сценариев.

Анализ узбекоязычного медиапространства осуществлялся на материале интервью с бизнесменами и государственными служащими, репортажей с бизнес-форумов и круглых столов, а также новостного видеоконтента. Для иллюстрации выявленных особенностей пространственного кода в деловой коммуникации рассмотрены фрагменты официальной и публичной речи, в частности — выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на встрече с Генеральным секретарём ООН Антониу Гуттеришием и приветственная речь председателя Самаркандинского филиала Республиканского русского культурного центра Юрия Огнева.

В приветственном обращении к Генеральному секретарю ООН президент Узбекистана подчеркнул значимость координации действий с международным сообществом, используя метафору временного и пространственного согласования: «...я еще раз хочу

“сверить часы”, правильно ли мы идем или нет, потому что, как я сказал, Организация Объединенных Наций — это та площадка, где... решаются непростые жизненные вопросы».

Визит Генерального секретаря продолжился встречей в махалле «Yuksalish» («Рост»), символически соотносимой с темой развития. Юрий Огнев описал её как «начальную ступеньку создания дружной семьи», где за одним столом собираются люди разных национальностей, но с общей заботой — «мир и согласие в доме» (Shavkat Mirziyoyev's Press-service, 2017). Эти образы формируют культурный гештальт совместного пространства, в котором взаимодействие понимается как забота о «доме» и его согласии.

Таблица 4  
Фреймы коллективной гармонии и уважительного взаимодействия

Реплика	Фрейм	Пространствен- ный код	Аналитический комментарий
А. Гуттериши: «...Организаци я Объединенных Наций — это та площадка, где, по глубокому моему убеждению, решаются непростые жизненные вопросы»	Международное сотрудничество	Институциона- льное пространство («площадка» как место принятия решений).	Метафора «площадки» задаёт образ физического пространства, где происходит согласование интересов и решение проблем.
Ш. Мирзиёев: «...хочу “сверить часы”, правильно ли мы идём или нет»	Переговоры, координация	Временной код и пространствен- ная координация.	Метафора времени («сверить часы») усиливает идею синхронизации действий в общем пространстве сотрудничества.
«Махалля — это начальная ступенька создания дружной семьи...»	Социальная общность	Локальное социокультур- ное пространство	Махалля как культурная модель — пространство, где формируется социальная сплочённость и чувство принадлежности

«Узбекистан — наш общий дом»	Национальная идентичность	Пространство — дом	Метафора «дом» отражает идею целостности, безопасности и многонационального единства.
------------------------------	---------------------------	--------------------	---

Культурный гештальт делового взаимодействия в узбекской культуре — это встраивание деловой коммуникации в общекультурный контекст уважения, согласия и коллективной гармонии. Даже при обсуждении экономических или правовых вопросов медиадискурс остаётся глубоко уважительным, с визуальной эстетикой порядка и внутреннего спокойствия.

Визуальные репортажи подчёркивают эмоционально сдержанную, но символически насыщенную атмосферу: нейтральные жесты, пониженные взгляды, аккуратные интонации. Это создаёт ощущение доверительной формальности, где пространство — не столько зона инициативы, сколько место доверия и порядка.

### Заключение

Проведённый сопоставительный анализ пространственного кода и культурного гештальта в медиарепрезентациях деловой коммуникации англоязычного, русскоязычного и узбекоязычного дискурсов подтвердил наличие глубинных культурных различий в организации взаимодействия, способах выражения уважения, инициативы, а также в визуальных и речевых стратегиях делового поведения.

Англоязычная модель тяготеет к открытости, горизонтальности и индивидуальной инициативе. Русскоязычная культура сохраняет установки на иерархичность, формализованность и распределённую ответственность. Узбекоязычная среда репрезентирует коммуникацию как ритуализированное пространство согласия и уважения, в котором значимыми становятся статус, возраст, культурная гармония.

Понимание этих различий приобретает особую значимость в контексте международного взаимодействия, где деловые партнёры, принадлежащие к разным лингвокультурным традициям, могут интерпретировать одни и те же коммуникативные действия по-разному. Невнимание к этим аспектам способно породить недопонимание, затруднения в переговорах и искажение смыслов, особенно в условиях цифровой среды, где большая часть взаимодействия происходит через медиаплатформы.

Учитывание культурно специфичных пространственных моделей и гештальтов при организации международных переговоров, совместных бизнес-проектов и публичных выступлений может способствовать повышению эффективности деловой коммуникации, укреплению доверия и взаимопонимания между участниками.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение дополнительных параметров культурного кодирования — в частности, жестов, темпоритма, эмоционального фона, а также на расширение корпуса медиаматериалов с участием представителей разных профессиональных сфер и возрастных групп.

### Использованная литература

- Аватков В. А., Рожкова З. П. Особенности межкультурной коммуникации с узбекским народом. // Вестник культурологии. — 2024. — № 2. — С. 229-243. URL: <https://culturology-journal.ru/article.php?id=932> (дата обращения 11.08.2025) DOI: 10.31249/hoc/2024.02.12
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. — М.: Издательский дом ЯСК, 2018. — 480 с.
- Венедиктов С. В. Межкультурная коммуникация в условиях виртуализации социального взаимодействия [Электронная статья] // CyberLeninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-usloviyah-virtualizatsii-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 12.08.2025).
- Гладченко И. А., Попов М. Д., Дынкин Н. К. Различные методологические подходы к определению ценностей в медиатекстах // Медиалингвистика. Вып. 11. Язык в координатах массмедиа : Материалы VIII Международной научной конференции (Санкт Петербург, 26–29 июня 2024 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. — СПб. : Медиапапир, 2024. — С. 440-444.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477с.
- Колесникова Н. Л. Фрейминг новостей как инструмент информационных технологий воздействия // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: Материалы VI Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. — СПб. : Медиапапир, 2022. — С. 582-585.
- Колядин А. В. Проксемная сравнительно-сопоставительная модель арабского мира в публицистических текстах (на материале статей об архитектуре в журналах «Вокруг света» и National Geographic) // Иностранные языки в высшей школе. — 2024. — № 3 (70). — С. 39-45.
- Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
- Лакофф Дж. Лингвистические гештальты. Новое в зарубежной лингвистике. — Выпуск X. Лингвистическая семантика. — М.: Прогресс, 1981. — С. 350-369.

- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. — Минск: ТетраСистемс, 2004. — 256 с.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. — 1979. — 152с.
- Молчанова Г. Г. Когнитивный диссонанс как трансакционный прием построения урбанонима // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — № 1. — С. 8-16.
- Молчанова Г. Г. Проксемика как фактор национального самосознания // Вестник московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 3. — С. 57-73.
- Пиз А., Пиз Б. Язык телодвижений = The Definitive Book of Body Language. М.: Эксмо, 2008. — 416 с.
- Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М., 2007. — 208 с.
- Расурова И., Акрамова У. Особенности этикета делового общения в Узбекистане. // Экономика и социум. — 2024. — № 7 (122). — С. 523-527. — URL: <https://www.iupr.ru/> (дата обращения 11.08.2025)
- Топоров В. Н. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: избранное / В. Н. Топоров. М.: Прогресс — Культура, 1995. — 624 с.
- Трофимова Н. А. Репрезентация невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Дэна Билемски и Эллен Барри (на материале газеты The New York Times // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2022. Т. 41. — № 1. — С.156-165. <https://www.researchgate.net/publication/359829707> Reprezentacia\_nerbalnogo\_koda\_kommunikacii\_v\_publicisticheskem\_diskurse\_Dena\_Bilemski\_i\_Ellen\_Barri\_na\_materiale\_gazety\_The\_New\_York\_Times <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-156-165>
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 52-93.
- Философия: Учебник / Под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина — 2-е изд., перераб. и доп.— М.: Академический Проект; Трикста, 2004.— 688 с.
- Шорова М. Д., Бориева М. К., Текуева А. А. Роль средств массовой информации в развитии межкультурной коммуникации в условиях цифровизации // Филология: научные исследования. 2024. № 2. С.38-49. DOI: 10.7256/2454 0749.2024.2.69924 EDN: VRSZCP — URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=69924](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69924) (дата обращения 12.08.2025).
- Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь = Emotions Revealed. СПб.: Питер, 2010. — 336 с.
- Hall E. T. The hidden dimension: Man's Use of Space in Public and Private. L., 1969.
- Hall E. T. Beyond Culture. N.Y., 1976.
- Hartmann N. Philosophie der Natur. Berlin, 1950.
- Hofstede G. Culture and Organization: Software of the mind. N.Y., 2012.

Maslova V. A. The Russian language through the codes of cultural linguistics // Вестник Российской университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2016. — № 3. — С. 27–33. <https://rep.vsu.by/handle/123456789/41636> (дата обращения 12.08.2025)

Narzieva G. National-cultural Code on Internet Media // International scientific-methodological electronic journal “Foreign Languages in Uzbekistan”, 2023 — № 6 (53). — 119–136 pp. <https://doi.org/10.36078/1703967163> (дата обращения 10.08.2025)

### Источники/Sources

*Speech by Federal Chancellor Angela Merkel at the Reception for the Diplomatic Corps.* Available at: <https://www.bundesregierung.de/bregen/chancellor/speech-by-federal-chancellor-angela-merkel-at-the-reception-for-the-diplomatic> (accessed: 12.08.2025).

*Barack Obama called out liars in Nelson Mandela South Africa speech.* Available at: <https://www.teenvogue.com/story/barack-obama-called-out-liars-nelson-mandela-south-africa-speech> (accessed: 12.08.2025).

*Full argument: Trump–Zelensky White House meeting descends into shouting match.* Available at: [https://www.youtube.com/watch?v=v\\_kTNIYsFnQ](https://www.youtube.com/watch?v=v_kTNIYsFnQ) (accessed: 12.08.2025).

«Встреча Владимира Путина с предпринимателями». Доступно по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=9RkISxQc3sk> (дата обращения: 12.08.2025).

«Генеральный секретарь ООН посетил Узбекистан». Доступно по ссылке: [https://www.youtube.com/watch?v=3zAkyf\\_t3Jw](https://www.youtube.com/watch?v=3zAkyf_t3Jw) (дата обращения: 12.08.2025).

### References

Arutyunova, N. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* (Language and the world of man). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)

Avatkov, V, Rozhkova, Z. (2024). *Bulletin of Culturology*, No. 2, pp. 229–243, available at: <https://culturology-journal.ru/article.php?id=932> (accessed 11 August 2025). (In Russ.)

Boldyrev, N. (2018). *Yazyk i sistema znanii. Kognitivnaya teoriya yazyka* (Language and the system of knowledge: Cognitive theory of language). Moscow: Izdatel'skii dom YaSK. (In Russ.)

Ekman, P. (2010). *Psikhologiya emotsiy. Ya znayu, chto ty chuvstvuesh* (Emotions revealed). St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Fillmore, Ch. (1988). *Freimy i semantika ponimaniya* (Frames and semantics of understanding). In Novoe v zarubezhnoj lingvistike, Issue 23. Cognitive aspects of language (pp. 52–92). Moscow: Progress. (In Russ)

Gladchenko I. A., Popov M. D., Dynkin N. K. (2024). *Medialingvistics. Language in Mass Media Coordinates*, Iss. 11, pp. 440–444. (In Russ)

Hall, E. (1969). The hidden dimension: Man's use of space in public and private. London. (In Eng)

Hall, E. *Za predelami kul'tury* (Beyond Culture). N.Y., 1976. (In Russ)

- Hartmann, N. (1950). *Filosofia Prirody* (Philosophie der Natur), Berlin. (In Russ)
- Hofstede, G. (2012). *Vospitanie Razuma: Kul'tura i Organizatsii* (Culture and organization: software of the mind), New York. (In Eng)
- Karasik, V. (2002). *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language circle: personality, concepts, discourse). Volgograd: Peremen. (In Russ.)
- Kolesnikova N. L. (2022). *Medialingvistics. Language in Mass Media Coordinates*, Iss. 9, pp. 582–585. (In Russ)
- Kolyadin, A. (2024). *Foreign languages in higher education*, No. 3 (70), pp. 39–45. (In Russ.)
- Kreidlin, G. (2002). *Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyi yazyk* (Non-verbal semiotics: body language and natural language). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Kubryakova, E. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* (Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in understanding the world). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
- Lakoff, G. (1981). *Lingvisticheskie geshtal'ty* (Linguistic Gestalts). In Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk X: Lingvisticheskaya semantika (pp. 350–369). Moscow: Progress. (In Russ)
- Maslova, V. (2004). *Kognitivnaya lingvistika* (Cognitive linguistics). Minsk: TetraSystems. (In Russ.)
- Maslova, V. (2016). *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*, No. 3, 27–33 available at: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/41636> (accessed 12.08.2025) (in Rus)
- Minsky, M. (1979). *Freimy dlya predstavleniya znanii* (Frames for the representation of knowledge). Moscow: Energiya. (In Russ.)
- Molchanova, G. (2013). *Bulletin of Moscow University*, Iss. 19 (3), 57–73. (In Russ.)
- Molchanova, G. (2018). *Bulletin of Moscow University*, Iss. 19 (1), 8–16. (In Russ.)
- Narzieva, G. (2023). Foreign languages in Uzbekistan, No. 6 (53), 119–136, available at <https://doi.org/10.36078/1703967163> (accessed 12.08.2025) (in Rus)
- Pease, A., &Pease, B. (2008). *Yazyk telodvizhenii* (The Definitive Book of Body Language). Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Pishchal'nikova, V. (2007). *Istoriya i teoriya psikholingvistiki. Ch. 2. Etnopsikholingvistika* (History and theory of psycholinguistics. Part 2. Ethnopsycholinguistics). Moscow. (In Russ.)
- Rasulova, I., Akramova, U. (2024). Economy and Society, No. 7 (122), 523–527 available at: <https://www.iupr.ru> (accessed 11 August 2025) (In Russ.)
- Shorova, M., Borieva, M., Tekueva, A. (2024). Philology: Scientific Research., No. 2, pp. 38–49, available at: <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.2.69924> (accessed 12.08.2025) (In Russ.)

- Toporov, V. (1995). *Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe* (Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetics: selected works). Moscow: Progress – Kul'tura. (In Russ.)
- Trofimova, N. (2022). *Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics*, No 41(1), 156–165 available at <https://www.researchgate.net/publication/359829707> Reprezentacia nev erbalnogo koda kommunikacii v publicisticeskom diskurse Dena Bil efski i Ellen Barri na materiale gazety The New York Times (accessed 15.08.2025) <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-156-165> (In Russ.)
- Venidikov, S. (2024). Cyberleninka, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-usloviyah-virtualizatsii-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (accessed 12.08.2025) (In Russ.)
- Zotov, A. F., Mironov, V. V., & Razin, A. V. (Eds.). (2004). *Filosofiya*. (Philosophy), Moscow: Akademicheskii.